

В.А. Арутюнова-Фиданян
К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ

(По поводу статьи В.П. Степаненко)

Участие в любой дискуссии предполагает четкое представление об ее предмете. Если судить по заглавию статьи В.П. Степаненко, то он рецензирует вторую главу моей монографии¹, а если исходить из первых страниц и заключения, претендует на разбор всей книги в целом. Прежде всего следует определить, насколько обоснованы его претензии.

Моя монография “Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур” посвящена концепции контактной зоны и специфике ее существования на трех уровнях: социально-административном, этноконфессиональном и ментальном. В монографии три главы: I. Социально-административная структура контактной зоны; II. Этноконфессиональная ситуация; III – Армяно-византийская контактная зона в зеркале армянской историографии.

Словосочетание “контактная зона” впервые употребил В.Д. Королук, обозначив этим понятием области, где генезис феодализма проходил под влиянием “античного наследия”².

В последнее время исследователи то расширяют это понятие (до размеров Восточной Европы, например), то сужают (до одного многоэтничного города)³, не пытаясь определить основные характеристики контактной зоны, т.е. ввести в оборот строгий научный термин.

Предлагая в монографии новую концепцию контактной зоны, я прежде всего должна была четко определить предмет исследования. Под термином “контактная зона” я понимаю не просто территории, где существуют, не смешиваясь этносы и их культурные системы, не анклав с автономным развитием, а органическую и жизнеспособную структуру со своими законами и своеобразием культурного облика. Возникновение таких структур, на мой взгляд, может быть связано с существованием и деятельностью на их территориях представителей открытых культур, обеспечивающих равновесие эволюционного развития, в армяно-византийской контактной зоне такой группой были армяне-халкидониты.

На XIV Международном конгрессе византинистов отечественные ученые выдвинули предположение, что на восточной границе империи в IX–XII вв. существовала (независимая от этнических и географических условий) социально-политическая структура приграничных областей, “остававшихся бахромой племенных княжеств подле централизованной и многоэтнической империи”⁴. На мой взгляд, столь широкие (во времени и пространстве) обобщения, предложенные в докладе, не про-

¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994. Сдана в набор в 1992 г. (см. с. 236). (Далее: Монография).

² Королук В.Д. О так называемой контактной” зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972.

³ См. сборник статей: Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995. Это материалы первой конференции по контактным зонам, которую мы провели в Институте российской истории в ноябре 1994 г. Вторая конференция по этой проблеме состоялась в марте 1997 г.

⁴ Бартикян Р.М., Каждан А.Л., Удальцова З.В. Социальная структура восточных границ Византийской империи // Actes du XVIe Congrès des études byzantines. Bucarest, 1975. P. 231–235.

шли безнаказанно для постановки проблемы в целом, поскольку из нее выпадало изучение главной составной части византийской пограничной структуры: собственно византийские военно-административные округа, существовавшие наряду с независимыми и полунезависимыми политическими образованиями и поглощавшие их. Кроме того, жесткое элиминирование этногеографического аспекта проблемы входит в явное противоречие с аксиомой о географических условиях и этническом субстрате как материальной базе любых контактов (политических, экономических, конфессиональных, культурных)⁵. Существует большое количество работ о пограничных территориях Византии вообще и о восточных лимитрофах в частности⁶. Однако исследователи рассматривают лимитрофы империи скорее как полиэтничные территории, нежели как контактные зоны, что вовсе не одно и то же. Контактная зона должна быть полиэтничной территорией, но не всякая полиэтничная территория может быть контактной зоной, т.е. местом возникновения феноменов, являющихся результатом не просто сосуществования, но взаимовлияния культур⁷.

В.П. Степаненко утверждает, что моя работа должна лишь подтвердить или опровергнуть гипотезу А.П. Каждана, Р.М. Бартикяна, Д. Оболенского, Н. Икономидиса, Э. Арвейлер⁸, но не указывает, в каком труде или трудах эти ученые высказали одну и ту же гипотезу и о какой собственно гипотезе идет речь. Если о главной концепции моей монографии, то ни один из вышеупомянутых ученых, да и никто другой *никогда не выдвигал концепции контактной зоны*. Если же речь идет о первой главе монографии, то я никак не могла ни использовать чужие гипотезы, ни даже повторить свои собственные, почерпнутые из ранних статей по социально-административному строю империи. Дело в том, что в процессе изучения восточных округов империи, которые я прежде традиционно воспринимала и соответственно именовала фемами выявились такие их аспекты, которые заставили определять византийские округа эпохи экспансии не как “фемы” и даже не как результат “кризиса фем”, а как совершенно новую социально-административную структуру⁹. Основные характеристики этой структуры были вынесены на обсуждение на одном из круглых столов XVIII Международного конгресса¹⁰. Во вторую главу также вошли результаты новых исследований, частью опубликованных до выхода в свет монографии¹¹, а частью позже¹².

В третьей главе рассматривается комплекс идейно-политических представлений, сложившихся в Византии в X–XI вв. и оказавших в этот период серьезное влияние на общественно-политическую теорию армян (“политическая ортодоксия”, “порядок”, “корреляция небесной и земной монархий”, парадигма идеального правителя и т.п.), а так-

⁵ Монография. С. 155.

⁶ Там же. Библиография. С. 155 и сл.

⁷ Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы. С. 42–61.

⁸ Рец., с. 125.

⁹ Arutiunova-Fidanjan V.A. Some Aspects of the Military-Administrative Districts and of the Byzantine Administration of Armenia (XI c.) // REA. 1986–1987. Т. XX. P. 309–320.

¹⁰ XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. С. 68–69; см. также: Arutiunova-Fidanjan V.A. The New Socio-Administrative Structure in the East of Byzantium // Byzantinische Forschungen. Amsterdam, 1993. Bd. XIX. S. 79–86; Арутюнова-Фиданян В.А. Терминологическое обозначение новой социально-административной структуры на Востоке // ВВ. 1992. Т. 53.

¹¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне в Болгарии в XI веке // Вестник Ереванского университета. 1988. Ч. I. № 3. С. 90–105; 1989. Ч. II. № 1. С. 114–122; Она же. К вопросу о двух редакциях “Типика” Григория Пакуриана // Кавказ и Византия. Ереван, 1988. Вып. 6. С. 88–101; Arutiunova-Fidanjan V.A. The Ethno-Confessional Self-Awareness of Armenian Chalcedonians // REA. 1988–1989. Т. XXI. P. 345–363; Eadem. Les Arméniens Chalcedoniens en tant que phénomène culturel de l’Orient chrétien // Atti del quinto simposio internazionale di arte armena. Venezia, 1992. P. 463–477.

¹² Арутюнова-Фиданян В.А. Этноконфессиональное самосознание армяно-византийской знати X–XI вв. // Элита и этнос средневековья. Сб. ст. М., 1995. С. 178–188; Она же. Православные армяне в контексте борьбы за унию церквей на Христианском Востоке // Сб. ст. Традиции и наследие Христианского Востока. Материалы международной конференции (сентябрь 1994 г.). М., 1996. С. 23–62 и ряд других работ.

же ряд армянских идеологов, воспринятых византийской теоретической мыслью. Серия статей, развивающих основные положения третьей главы монографии, вышли в свет в 90-х годах в “Византийском временнике” и “Историко-филологическом журнале”¹³.

Таким образом, темы и проблемы монографии никак не могут ограничиваться “воспроизведением в текстуальном виде статей 70–80-х годов” Степаненко / далее: (рец., с. 41 и сл.).

А ведь В.П. Степаненко на первых страницах рецензии утверждает, что в монографию вошли только статьи 70–80-х годов, что она не учитывает “последних работ по данной тематике” и что “цели монографии неформальны”. Ложность первого заявления уже доказана. Единственные новые работы, которые приводит рецензент – это статьи по сигиллографии, в основном расширяющие наше представление о списках наместников Византии на Востоке. Не поняв задач монографии, путаясь в трех разных уровнях исследования, В.П. Степаненко почему-то находит возможным приписывать противоречивость своего восприятия самому тексту.

Общая концепция монографии рецензентом не замечена, функциональное направление исследований в области социально-административной и этноконфессиональной ситуации на Востоке (первая и вторая главы) не поняты и соответственно не прокомментированы, третья глава, занимающая около половины всей книги (основополагающая и резюмирующая) вообще не упомянута, поэтому, рецензией статью В.П. Степаненко называть никак нельзя. Это, в лучшем случае, отклик на какую-то часть монографии.

Судя по названию статьи, В.П. Степаненко интересуется интерпретация темы армян-халкидонитов, но опять-таки не целиком. Вторая глава монографии, где речь идет об этой группе населения, делится на три параграфа: § 1. Этническое своеобразие контактной зоны; § 2. Армяне-халкидониты – историко-культурный феномен контактной зоны; § 3. Культура армян-халкидонитов и ее политические проявления. Последний параграф в свою очередь включает в себя следующие части: 1. Эволюция этноконфессионального самосознания армян-халкидонитов; 2. Переход армян в халкидонитство: культурные последствия; 3. Переход армян в халкидонитство: политические последствия.

Основное внимание рецензент уделил последней части третьего параграфа, т.е. политической роли армян-халкидонитов. При этом его несколько не заинтересовала проблема места армян-халкидонитов в политической жизни империи, т.е. цель этого раздела. В.П. Степаненко попытался выступить в роли арбитра в многолетней полемике отечественных и зарубежных ученых по персоналиям.

Относительно же большей части второй главы было высказано: общее неодобрение, несколько замечаний и пожелание “создать банк данных” (рец., с. 60). Начнем с замечаний:

В.П. Степаненко требует, чтобы армяне-халкидониты были “четко размежеваны на группы” – греческой и грузинской ориентации (рец., с. 54).

2. В.П. Степаненко сомневается в том, что переводческая деятельность является важной и имманентной особенностью этой группы.

Итак:

1. Невозможно разделить армян-халкидонитов на грузинскую и греческую “фракции” прежде всего потому, что некогда введенный мной термин “армянин-халкидонит греческой или грузинской ориентации” – это чисто формальное обозначение, указывающее только на то, от какой церкви было воспринято исповедание. Между греческой и грузинской церковью нет догматических различий. Более того даже богослужение велось иногда армянами-халкидонитами и на греческом, и на грузинском языках¹⁴. Григорий Пакуриан и Багарат Вхкаци, которые восприняли православие от грузинской церкви называются и “ромеями”, и “грузинами”¹⁵. Типик халкидонитского

¹³ ВВ. 1991. Т. 52. С. 113–126; 1994. Т. 55; 1995. Т. 56. С. 118–126; ИФЖ. 1992. Т. 1. С. 42–56.

¹⁴ Типик Григория Пакуриана / Введ. пер. и коммент. В.А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978. С. 136–137, 187.

¹⁵ *Маттеос Урхаеци*. Хронографии. Валаршапат. 1898. С. 148 (на др.-арм. яз.).

Петрицонского монастыря во Фракии, основанный Григорием Пакурианом, написан на греческом, грузинском и армянском языках, при этом ктитор отмечает, что “силу имеет только греческий текст книги”, подписанный им самим и утвержденный Евфимием, патриархом Иерусалима¹⁶. В 1006/07 г. Григорий Вхкаци высек в Эгреке греческую надпись, где называет себя и своего отца Смбага “ивирами”, а византийские и армянские источники именуют потомков Григория Вхкаци армянами¹⁷.

Иногда наименование одной группы халкидонитов присваивалось другой. Так, например, армянская надпись о строительстве в Ани под “ромеями” подразумевает грузин¹⁸. Никон Черногорец перечисляет документы о православных армянах “цатах” (“полугреках”) во введении к 36-й главе своего “Тактикона”, которая посвящена “ивирам”¹⁹.

Армяне-халкидониты – единая группа, пользующаяся иногда тремя языками не только в богослужении, но и в обиходе²⁰. В библиотеке Чикагского университета хранится армянская рукопись рубежа XII–XIII вв. (до 1237 г.), где на одной из миниатюр находится колофон, написанный на трех языках (греческом, армянском и грузинском)²¹. Представители армяно-халкидонитской аристократии, уроженцы областей смежных с Грузией, воспринявшие конфессию от грузинской церкви, становясь в ходе возникновения и существования армяно-византийской контактной зоны византийскими полководцами и администраторами, воспринимают себя как “ромеев” и с точки зрения государственной, и с точки зрения конфессиональной принадлежности. Армяно-халкидонитские епархии, возникавшие в ходе движения Византии на Восток, подчинялись константинопольскому патриарху, а после крушения армяно-византийской контактной зоны, православные армянские епархии, расположенные на востоке Армении, признали власть грузинского католикоса; вместе с тем армяно-халкидонитский епископ Ани Иоанн упомянут в актах константинопольских церковных соборов середины XII в.²² Эти примеры (как и другие, приведенные в монографии) показывают этнокультурное единство исследуемой группы, а также необходимость рассматривать этноконфессиональное самосознание ее представителей вне зависимости от того, от какой восточнохристианской православной церкви они восприняли конфессию.

Для самих армян-халкидонитов этноним служил иногда своего рода символом, неким знаком перехода в иную конфессию, вспомним знаменательное восклицание епископа Григора, племянника киликийского католикоса Нерсеса Шнорали (будущего католикоса Григора IV Отрока): “Я – ромей, анафема не принимающему догму о двух естествах Христа”²³.

Греческий и грузинский языки входили как составные в культуру армян-халкидонитов через богослужебные книги, светскую литературу, а иногда и язык общения²⁴,

¹⁶ Типик... С. 121.

¹⁷ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 70.

¹⁸ Мурадян П.М. Хронология систем летосчислений по армянским источникам (“Грузинский хроникон”) // Кавказ и Византия. Ереван. 1988. Вып. 6. С. 65–66.

¹⁹ Марр Н.Я. Аркауи – монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 241.

²⁰ Монография. С. 70–71, 73, 77.

²¹ Лидов А.М. Росписи Ахталы и искусство армян-халкидонитов // Из истории древнего мира и средневековья. М., 1987. С. 129.

²² PGT. 140. Col. 198–202, 282.

²³ Theoriani Orthodoxi Disputatio cum Armenorum // PG. T. 133. Col. 148. С. 119–230.

²⁴ Если принять гипотезу Р.М. Бартикяна, что Иоанн Атман – член византийской делегации по переговорам об унии между византийской и киликийской церквами при католикосе Нерсесе Шнорали (1166–1173) – был настоятелем армяно-халкидонитского (Петрицонского) монастыря в Филиппополе, то этот армянин-халкидонит знал греческий язык в совершенстве. В то же время переводчик Нерсеса Шнорали (Михаил – армянин-халкидонит из Киликии) плохо владел греческим (Бартикян Р.М. Роль игумена Филиппопольского армянского монастыря Иоанна Атмана в армяно-византийских церковных переговорах при католикосе Нерсесе IV Благодатном (1166–1173) // ВОН. 1984. № 6. С. 80–81).

но и не вытесняли армянский, о чем неопровержимо свидетельствуют такие надежные источники, как памятные записи рукописей XIII в. из Западной Армении²⁵.

Армяно-халкидонитские общины не только на родине, но и за ее пределами сохраняли свой язык, письменность, бытовые особенности, и эта культурная обособленность вызывала явную неприязнь их греческих и грузинских единоверцев. Армяне-халкидониты называли себя “армянами” до IX–X вв., позже влияние конфессии, интенсивное общение с единоверцами (при нежелании и невозможности слиться с ними из-за этнического и культурного своеобразия) вводит двойственное обозначение армян-халкидонитов как “армян – грузин”, “армян – греков” и даже заставляет их осознавать себя как особый азг (арм. яз.) – род, племя. Однако самоназвания для всей группы в целом так и не нашлось, пожалуй, только “цаты” явились специфическим обозначением армян-халкидонитов, впрочем, и цаты именуются то “полугреки”, то “обращенные в грузин”. Армяне-халкидониты, однако, – феномен не этнической, а культурной трансформации. По мнению этнографов, наиболее “жесткими” комплексами духовной культуры являются язык и религия.

Двух- и даже трехязычие (при армянских обычаях и традициях и преобладании армянского языка и письменности) и конфессия диофиситского толка характерны для армян-халкидонитов. Их культуру, очевидно, можно считать типом особой культуры армянского этноса, обогащенной влияниями народов, от церквей которых они восприняли конфессию.

2. В.П. Степаненко не признает специфической чертой православных армян их переводческую и прозелитскую деятельность (единственный и туманный аргумент – “переводческая деятельность была присуща всем народам региона”).

Начало изучения деятельности армян-халкидонитов в разных областях культурной жизни Армении, Грузии и Византии было положено Н.Я. Марром. Исследователь считал, что армянам-халкидонитам принадлежала ведущая роль в деятельности грекофильской школы. Многие его исследования, вышедшие в свет в первые десятилетия XX в., посвящены памятникам из армяно-халкидонитской среды, переведенным с армянского на грузинский язык²⁶.

И.В. Абуладзе, а затем П.М. Мурадян продолжили начатые Н.Я. Марром исследования переводческой деятельности армян-халкидонитов, выявив литературные памятники агиографии, экзегетики и философии, возникшие в результате армяно-грузинских сближений²⁷.

В начале XIII в. в армяно-халкидонитском монастыре Плиндзаханк (ныне Ахтала) в Северной Армении монах Симеон Плиндзаханец переводил с грузинского на армянский язык философско-теологические и агиографические сочинения, отмечая в памятных записях, что основной его целью была цель прозелитская, в колофоне на сборнике трудов Григория Нисского указано, что перевод сделан в “лето 6735 г. (1227 г.)” в “княжение атабега Иванэ” Захариды, передавшего монастырь халкидонитам, “в стране нашей Армянской”, в монастыре “Сплендзахсенк”²⁸, а в колофоне на книге Прокла Диадоха Симеон пишет, что книга переведена “в стране нашей Армянской, в монастыре грузинском, который называется Плиндзаханк”, “чтобы наш на-

²⁵ Бартикян Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1988. № 1. Ч. 3. С. 164–169.

²⁶ Марр Н.Я. Аркаун... С. 224–231; Физиолог. Армяно-грузинский извод / Груз. и арм. тексты исследовал и перевел Н.Я. Марр. СПб., 1904. С. XVIII.

²⁷ Абуладзе И.В. Грузино-армянские литературные связи в IX–X вв. Тбилиси, 1944 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); Мурадян П.М. Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI–XIII вв. Ереван, 1978. С. 2–3.

²⁸ Интересно не армянское (“Плиндзаханк”), а грузинское наименование монастыря. Плиндзаханк был основан как монофиситский монастырь в 1188 г. царицей Мариам из династии Кюрикидов, согласно указанно хачкара, недалеко от Ахталы (Мурадян П.М. Грузинская эпиграфика Армении. Ереван, 1977. С. 202). К 1216 г. он уже был передан халкидонитам Иванэ Захаридом и, возможно, был одним из главных культурных центров армян-халкидонитов.

род не испытывал недостатка” в этом труде (который Симеон считает важнейшим для изучения богословия²⁹).

Для армянина-халкидонита Симеона Плиндзаханеци, исповедовавшего “грузинскую веру”, “наш народ” – армяне, а “наша страна” – Армения. Симеон Плиндзаханеци вносит ряд добавлений в текст Прокла, ориентируясь на армянского читателя³⁰. В числе переводов Симеона сочинения Иоанна Дамаскина и Иоанна Лествичника, а также октоих православной церкви; последние произведения он переводил с помощью иеромонаха Минаса, армянина-халкидонита из Трапезунда³¹. Н. Акинян считает, что в переводе октоиха принимал участие и Карапет, армянин-халкидонит из Константинополя³². Монастырь Плиндзаханк, таким образом, был частью широко армяно-халкидонитского мира, чьи культурные связи с миром грузинским и греческим были органичны и разнообразны.

Никон Черногорец (XI в.), утверждая подлинное православие армян-халкидонитов и их полезную деятельность в качестве полемистов, указывает: “И доднесь отцы наши и патриархи берут их с богом на борьбу с врагами, когда на соборе возбуждается что-либо против армян-еретиков, так как они сведущи в их языке и писаниях”. “Эти братья наши, называемые цапами, где только они находятся или в каком месте ни живут, везде оказываются испытанными Христовой благодатью без изъяна в вере”, и хотя они сохраняют свой родной язык, что постоянно вменялось им в вину их недоброжелателями, но именно в силу этого цапы полезны как полемисты против армян-”еретиков” (т.е. с точки зрения Никона – монофиситов)³³.

Игумен монастыря Эсфигмена и прот Афона армянин-халкидонит Феоктист в 1037 г. пожаловал своему “духовному брату” Никифору имение Селина на Афоне за тридцатилетнюю миссионерскую деятельность в феме Харсиана³⁴. Очевидно, Феоктист продолжал сохранять родной язык, во всяком случае в актах Лавры приводится армянская подпись Феоктиста³⁵.

Если говорить о типологии культуры армян-халкидонитов, хотя бы в самом первом приближении, то ее по справедливости следует признать “пограничной” культурой, не только в метафорическом, но и в самом прямом смысле. Наиболее характерные произведения искусства и литературы армян-халкидонитов появились и бытовали на границах Византии и Армении, Армении и Грузии, распространяясь затем по территории всех трех государств, это заключение справедливо не только по отношению к архитектуре и живописи (храмы армяно-грузинских лимитрофов), но и к по-

²⁹ Памятные записи армянских рукописей XIII в. / Составил А.С. Матевосян, Ереван, 1984. С. 154. Второй колофон сохранился в рукописи 1248 г. “Первооснов теологии” Прокла Диадокха: “Перевод книги, которая является собранием и вершиной богословия философа-платоника Прокла Диадокха, (выполнен) рукой недостойного иерея Симеона с грузинского языка на армянский язык в стране армянской, в монастыре грузинском, который называется Плиндзаханк, в году вечного летосчисления 6756 (1248 г.). Умоляю вас, о братья, ибо с великими трудами я перевел: во-первых, потому что не был я достоин такого служения, так как опутан был грехами, во-вторых, потому что был я очень старым и ослабевшим глазами и умом, и силою, так как мне было 60 лет. Но сия (книга) не была переведена на наш язык, хотя является матерью богословия... И все новые богословы свои сочинения основывали на этой (книге). Сия (книга) является основой, и корнем, и матерью всего, из этой (книги) взяли все они все. Но поскольку они показали лишь малые части, то я потому перевел, чтобы не было недостачи в ней у нашего народа” (там же, с. 248–249). О переводах, сделанных в монастыре Плиндзаханк, см.: Акинян Н. Симеон Плиндзаханеци и его переводы с грузинского. Вена, 1951. С. 233–262 (на арм. яз.).

³⁰ Марр Н.Я. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI–XII вв. СПб., 1909. С. 66–83.

³¹ Акинян Н. Симеон Плиндзаханеци... С. 189–193.

³² Там же. С. 194–201.

³³ Марр Н.Я. Аркаун... С. 241–244; Адонц Н. О происхождении армян-цапов // Хандес Амсорья. Вена, 1912. № 5. С. 261–263.

³⁴ Actes d'Esphimenou / Ed. diplomatique par G. Lefort. P., 1973. P. 45.

³⁵ Бартикян Р.М. Армянская подпись прота Великой Лавры Феоктиста // Вестник Матенадарана. Ереван, 1973. № 11. С. 68–73.

граничным (акритским) преданиям, самым ярким из которых был эпос о Дигенисе Акрите³⁶.

Основная часть замечаний В.П. Степаненко относится к персоналиям восточной византийской администрации. Следует сразу отметить, что на 14 страницах монографии, где об этом идет речь (с. 78–92), я действительно резюмирую свои работы с конца 70-х годов до начала 90-х, и более того, подчеркиваю это, поскольку собранный в них фактический материал измениться не мог. Непонятно, правда, почему В.П. Степаненко, перечислив мои работы 70-х годов, обошел молчанием более поздние исследования, результаты которых также вошли в монографию.

Основная цель этого раздела показать, что армяне-халкидониты оказались в определенной степени чужды армянскому миру, но не сделались полностью своими и в мире исконно халкидонитском (грузинском и греческом). Они стали обладателями собственного мира, и их обособленность дала возможность такой многоэтничной империи, как Византия, скрепленной помимо государственной более всего конфессиональной принадлежностью входящих в нее граждан, использовать их при создании и функционировании контактной зоны. Переходя на службу Византии, православные армяне более связывали себя с имперской идеей и христианской (ортодоксальной) доктриной, чем с греческим этносом или с тем или иным из императоров. Такая позиция была, разумеется, продиктована не личными качествами отдельных представителей армяно-халкидонитской аристократии, но особенностями этноконфессионального облика, имманентными группе в целом.

Изложение многолетней дискуссии по персоналиям, в которую (почему-то в качестве арбитра) включился В.П. Степаненко здесь вряд ли уместно. Я поэтому остановлюсь только на методике рецензирования:

1. В.П. Степаненко отмечает, например, что В.А. Арутюнова-Фиданян вела на протяжении ряда лет полемику по тому или иному персонажу византийской восточной администрации с XYZ (Н.Ю. Ломоури, К.Н. Юзбашян, В.С. Шандровская и др.), что выводы, приведенные в ее монографии, совпадают с выводами в ее статьях, и значит, она либо игнорирует, либо не знает работ оппонентов, и, следовательно, ее выводы никуда не годятся. Логика своеобразная, но если В.П. Степаненко связал себя столь странными императивами, ему следовало бы особенно позаботиться о безупречности аргументации. Возьмем к примеру упомянутую В.П. Степаненко полемику с Н.Ю. Ломоури по поводу термина “ивир”. Я не только не пренебрегала работой грузинского ученого “К истории грузинского Петрицонского монастыря”³⁷, но ответила на нее пространной статьей “Армяне в Болгарии”³⁸, привела обширные свидетельства источников об этнониме армян-халкидонитов грузинской ориентации и отметила, что почти 40 страниц своей книги Н.Ю. Ломоури посвящает неблагодарной попытке доказать однозначность этнонима “ивир” (только “грузин”). Опасность столь категоричного утверждения заключается в том, что даже один факт может его опровергнуть, а в распоряжении исследователей таких фактов достаточно³⁹, в частности – данные о “грузинских” войсках Давида Куропалата, марзпане Георгии, “ставшем грузином”, и его сыне мампале Деметре и т.д. И, разумеется, я привела основные выводы этой статьи в своей монографии⁴⁰.

Я действительно не согласна с определением православных армян К.Н. Юзбашяном и А.П. Кажданом. Первый исследователь объясняет этот феномен “переливом части аристократии из армянского общества в грузинское”, а второй считает право-

³⁶ *Март Н.Я.* О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. СПб., 1907. С. 53–54; *Он же.* Надпись Епифания Кипрского католикоса Грузии (из раскопок в Ани 1910 г.) // ИАН. 1910; *Дурново Л.А.* Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957. С. 33 и сл.; *Лидов А.М.* Искусство армян-халкидонитов // ИФЖ. 1990. № 1. См. также: Монография. С. 64–78 (и указанную литературу).

³⁷ *Ломоури Н.Ю.* К истории грузинского Петрицонского монастыря. Тбилиси, 1981.

³⁸ *Вестник Ереванского университета.* 1988. Ч. I. № 3; 1989. Ч. II. № 1.

³⁹ Там же. Ч. II. С. 114.

⁴⁰ Монография. С. 175–176.

славных армян “особым этническим образованием, возникшим на армянской и грузинской почве”. Я считала (и считаю), что эти определения игнорируют элементы греческой культуры, важной для этой группы населения, и противоречат имеющимся у нас свидетельствам о том, что армяне-халкидониты – феномен не этнической, а культурной трансформации⁴¹.

Ни К.Н. Юзбашян, ни А.П. Каждан не выступили с контраргументами после выхода в свет моей монографии. Я, однако, не собираюсь на этом основании сомневаться в их добросовестности и профессионализме.

2. В.П. Степаненко считает, что если я не согласна, например, с В.С. Шандровской или Н.Ю. Ломоури относительно Чордванела, Торникянов, или Апокапов, то должна непременно вступить с ними в полемику и “убедительно опровергнуть”. Должна заметить, однако, что доводы, опровергающие В.С. Шандровскую, Н.Ю. Ломоури и др. содержатся в работах иных исследователей, мнение которых я разделяю и на которых соответственно ссылаюсь. Так, о Чордванеле, Варазваче, Торнике, Варазваче Торникяне и вообще о Тайских и Сасунских Торникянах существуют капитальные работы Н. Акиняна и Н. Адонца⁴². В последнее время к генеалогии Торникянов и их роли в истории Армении и Византии обратился Э.Л. Даниелян (см. в особенности статьи: “Политическая роль Торникянов в армяно-византийских отношениях в X в.”⁴³ и “Мамиконяны-Торникяны Тарона и Сасуна (X–XII вв.)”⁴⁴). Существуют статьи Р.М. Бартикяна об Апокапах, Гаврах и о св. Марии Новой Мамиконян, где он, к стати говоря, доказывает, что Ивирицы – это армяне-халкидониты⁴⁵ как и Гавры⁴⁶.

И вряд ли следует объяснять, почему для специалиста мнения арменоведов по генеалогии армянских родов и вообще по армянской истории гораздо более весомы, нежели мнения исследователей византийской сигиллографии по тому же вопросу.

Исследования византийских печатей, разумеется, играют важную роль при составлении списков византийских провинциальных администраторов, но, в силу своей специфики, не могут помочь при определении этноконфессионального облика этих лиц, что, собственно, и являлось основной моей целью в этом разделе.

3. В.П. Степаненко утверждает, что до сих пор наука об армянах-халкидонитах пребывает на эмпирическом уровне и моя монография этому уровню “подводит итог”. Смелое (если не более) заявление со стороны человека, который никогда не занимался этой проблемой. Специфической, главной и имманентной чертой почти всех сколько-нибудь заметных исследований об армянах-халкидонитах является не только и не столько сбор фактов о них, сколько стремление осмыслить эти факты и сделать на их основании теоретические выводы. Это продолжается уже более столетия, начиная с основополагающих работ Н.Я. Марра в серии “Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии” и Н. Адонца в его “Армяно-византийских очерках”. И работы последнего времени (И.В. Абуладзе, Н. Акиняна, П.М. Мурадяна, А.П. Каждана, Р.М. Бартикяна, Э.Л. Даниеляна и др.)⁴⁷ также не заслуживают упрека в недостаточно высоком уровне обобщающих выводов. В последнее десятилетие разные аспекты проблематики армян-халкидонитов (политические, этноконфессиональные, сословные, историографические и т.д.) все более привлекают внимание ученых [симпозиумы в Вашингтоне (май 1988 г.) и в Париже (декабрь 1988 г.)]⁴⁸, в

⁴¹ Там же. С. 65–74.

⁴² Акинян Н. Филологические изыскания. Вена, 1938. С. 49–104 (родословная Торникянов и Чордванелидов) (на арм. яз.); Adontz N. Etudes arméno-byzantines. Lisbonne, 1965. См. в особенности главу “Tornik le moine” (с. 297–318).

⁴³ ВОН. 1977. № 10 (на арм. яз.).

⁴⁴ ИФЖ. 1987. № 3 (на арм. яз.).

⁴⁵ Эчмиадзин. 1975. Ч. 1. № 12; 1976. Ч. 2. № 1; 1976. Ч. 3. № 2 (на арм. яз.).

⁴⁶ Бартикян Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1987. № 3. Ч. 1; 1987. № 4. Ч. 2; 1988. № 1. Ч. 3.

⁴⁷ Монография. С. 57–58 и указанная там литература.

⁴⁸ Там же. С. 170–171.

чем немалая заслуга отечественных исследователей. А в 1988 г. на конференции в Венеции культура армян-халкидонитов была выделена как особая часть армянской культуры⁴⁹.

И наконец, В.П. Степаненко предлагает “вернуться назад” (?) и начать создавать “банк данных об армянах-халкидонитах”. Предложение правильное, но запоздавшее на много лет. В начале 70-х годов акад. С.Т. Еремян предложил Институту истории АН Армении проект издания источников об армянах-халкидонитах и поручил мне его разработку. В рамках этого проекта я издала монографии “Типик Григория Пакуриана” (Ереван, 1978) и “Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи” (Ереван, 1980), а позднее – несколько десятков статей.

В 70-х годах в Институте востоковедения АН Армении под руководством известного ориенталиста П.М. Мурадяна был создан сектор “Кавказ и Византия”. Коллектив сектора в сборнике, носящем то же название, одной из основных своих задач назвал системный, комплексный подход к актуальным проблемам кавказоведения и византистики, восприятие и развитие на новой источниковедческой базе идей и проблем, входивших в широкий круг научных интересов школы отечественного кавказоведения, начавшей складываться в конце прошлого века, в число проблем, разрабатываемых главой сектора и его учениками, естественно, вошла проблема армян-халкидонитов⁵⁰.

В начале 90-х годов я предложила проект “Армяне-халкидониты в странах византийского культурного круга” в двух частях:

1. Сборник основных источников (VII–XIII вв.).
2. Армяне-халкидониты и их мир.

В рамках этого проекта я подготовила перевод, комментарий и исследование “Повествования о делах армянских” (в печати)⁵¹.

На международной конференции в Москве “Традиции и наследие Христианского Востока” (1994) в докладе, посвященном пакету армяно-халкидонитских документов, вошедших в переписку патриарха Фотия и Псевдо-Фотия с армянами, я сообщила участникам конференции об этом проекте и о том, что делается для его осуществления. В.П. Степаненко на этой конференции присутствовал...

Стремления В.П. Степаненко к “созданию банка данных” и “общепринятого понятийного аппарата” можно только приветствовать. Но до сих пор В.П. Степаненко не занимался проблематикой армян-халкидонитов и, приступая к этой работе, должен был бы выяснить, что уже сделано в науке за последнее столетие.

* * *

Свою статью г-н Степаненко начал с серии замечаний к первой главе монографии, причем это именно замечания, а не попытка рецензирования как осмысления. Складывается впечатление, что рецензент не обратил внимания ни на вступление к главе (ее задачи) ни на заключение (итоги), а просто с карандашом в руке не согласился с какими-то отдельными положениями. Отсюда и многочисленные противоречия.

В.П. Степаненко отмечает, что я не должна говорить о влиянии армянских соци-

⁴⁹ Atti del quinto simposio internazionale de arte armena. 1988. Venezia, 1992. Раздел VII: статья В.А. Арутюнов-Фиданян “Армяне-халкидониты как культурный феномен христианского Востока” (на франц. яз.) (с. 463–477) и статья А.М. Лидова “Искусство армян-халкидонитов” (на франц. яз.) (с. 479–495).

⁵⁰ Арутюнова-Фиданян В.А. “Кавказ и Византия” (1979–1988) // Византиноведение в СССР: состояние и перспективы исследований. М., 1991. С. 247–262. См. указанную там литературу.

⁵¹ Кроме “Типика” Пакуриана (XI в.) науке известны еще два источника значительного объема, освещающие проблему армян-халкидонитов: “Повествование о делах армянских” (сочинение армянина-халкидонита VII в.) (см.: Caritte G. La Narratio de rebus Armeniae. Edition critique et commentaire. Louvain, 1952; существует также перевод этого источника Р.М. Бартияном на армянский язык: Вестник Матенадарана. 1962. № 6. С. 457–470) и “Тактикон Никона Черногорца, греческого иерарха” (см.: МАРР Н.Я. Аркаун... С. 241–244).

ально-экономических отношений на положение в контактной зоне (не объясняя почему), а далее пишет, что для этого есть некоторые основания (рец., с. 40).

На с. 42 В.П. Степаненко возмущается моим несогласием с Ж. Дедеяном по поводу статуса переселившихся в Византию армянских владетелей, а на с. 43 соглашается, что они не могли быть только частными лицами, как полагает французский исследователь, в особенности в условиях нашествия сельджуков на Малую Азию.

На с. 43 В.П. Степаненко считает, что утверждаемая мною двойственность статуса армянских царей и князей в контактной зоне (полузависимый владетель и функционер византийской администрации) недоказуема, а на с. 45 декларирует, что “византийские функционеры превращались в независимых владетелей и наоборот, и делали это неоднократно”.

На с. 45 В.П. Степаненко замечает, что раньше я исходила из “примата” большой фемы (правда, не указывает, где и когда), а затем пишет, что я признаю первичность малых фем, но что я отстаиваю свое мнение о малых фемах “излишне прямолинейно”.

Как именно я отношусь к малым фемам, В.П. Степаненко решить не может, да это и понятно – в монографии нет и речи о фемах ни о больших, ни о малых.

Целью первой главы как раз и является попытка показать, что в армяно-византийской контактной зоне появилась совершенно новая социально-административная структура. Возникшая стихийно эта структура была, по-видимому, санкционирована центральной властью империи, что и нашло отражение в консервативной византийской терминологии.

В X–XI вв. в восточных провинциях Византии не было простой перегруппировки фем в результате “провинциальной реформы XI в.”. В действие вступили иные принципы построения административных единиц. Эти принципы находились в прямой зависимости от развития феодальных отношений в завоевываемых регионах и в самой Византийской империи, от социально-политического устройства армянских царств и княжеств, а также от особенностей продвижения империи на Восток. Для новых округов характерны разделение власти в них, нестабильность и изменчивость границ, дробление или соединение их под руководством либо доместика Востока, либо одного из стратиггов малых округов и т.п. Малые имперские округа (своего рода единицы экспансии, единицы новой структуры и единицы армянского феодального общества) располагались на территории больших округов. Границы этих округов часто менялись в силу постоянной перегруппировки малых округов – последнее помогало скорейшей реализации военных сил в постоянно критических внешнеполитических условиях на востоке империи и сохранению структуры в целом при потере одного или даже нескольких малых округов.

Не найдя никаких возражений относительно терминологического обозначения новой структуры и отметив, что я “нахожу” термин “хора” в источниках, В.П. Степаненко заявил (без аргументации), что употребление термина “хора” субъективно (рец., с. 52). С равным успехом можно утверждать, что субъективно употребление термина “фема”. В.П. Степаненко требует фронтального анализа, не замечая, что в монографии проводится именно такой анализ. В самом деле, ни один из военно-административных округов, созданных на территории армянских царств и княжеств, не именуется фемой, нет упоминаний и о фемных подразделениях в них. Современники появления и функционирования новой структуры в восточных лимитрофах Византии, по-видимому, осознавали ее своеобразие, генетическое отличие от имперских административных единиц. В источниках появляется термин, адекватно отражающий новую структуру: в армянских – *ափաղ*, и в современных им византийских источниках – *χώρα* или *χώραί*. Начало такому обозначению положил Константин Багрянородный в трактате “Об управлении империей”⁵². “Хора” Тарона, по Константи-

⁵² Constantine Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. Vol. 1. Greek text ed. by G. Moravcsik. English translation by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967 (ДАИ. 43/1, 7–9, 25, 71, 77, 85, 156–157, 163, 168, 173–174, 178–179, 181–183, 186–188). Страницы в тексте даны по этому изданию.

ну Багрянородному, делилась на “хоры”, принадлежавшие членам фамилии Таронских Багратидов, подчинявшихся азгапету рода, а затем империи, каждый из новых вассалов Византии – владельцев Тарона – подвластен непосредственно василевсу, передав ему свою “хору”.

Ашот Багратид Ширакский, по Константину Багрянородному, “владел всеми хорами Востока” (44/23).

О территориях, прежде подчинявшихся Ашоту и Смбату, позже переданных кайсикам и плативших пакты василевсу ромеев, Константин пишет: “Все эти выше-названные крепости и ранее упомянутые хоры” (44/116–124; см. также: 44, 1–5, 29, 30–33, 70–71, 73, 87, 93–95, 105).

Армяно-византийская контактная зона начинает формироваться при наследниках Григория и Апоганема Таронитов. Вся территория, на которую претендовала империя, – “хора”, отдельные ее части, принадлежавшие Багратидам Ширака, Тарону, Ивирии, кайсикам, – также “хоры”. Внутри этих “хор” находятся мелкие хоры, принадлежащие отдельным владельцам (46/6, 8, 25, 46–48, 115–119).

Лев Диакон⁵³ часто упоминает термин *χώρα* в применении к восточным землям, которые завоевывают Никифор Фока (73, 20) и Иоанн Цимисхий (176, 14–21) и где проходят военные операции мятежника Варды Склира (169, 19, 23–24). В “Истории” Льва Диакона очевидна разница между “хорами” (от Месопотамии до Ивирии) и фемами – другими владениями ромеев в Азии (170, 14). И Асолик именуется территории, охваченные мятежом Склира, “греческой или ромейской страной” (ашхар)⁵⁴. Такое же терминологическое обозначение остается за этими территориями и в византийских источниках XI в. Михаил Атталиат⁵⁵, описывая походы сельджуков, именуется территорию Ивирии “ивирскими пределами” (*τοῖς Ἰβηρικοῖς ὄριοις* – 44, 51–22), а территорию, подвластную Стефану Лихуду (т.е. Васпуракан), – Сирией (44, 7–15). Однако как Стефан Лихуд именуется “ромейским правителем”, так и эти земли называются “ромейскими хорами”. Сельджуки “быстро завладели всей Ивирией, грабя городки и села, разрушая города”, иными словами, опустошая “хоры” (44, 15–16). Упомянув о “воинственном войске”, прежде находившемся в Ивирии, которое получало опсоний из государственной казны, Атталиат называет их *σύμμαχοι* (союзниками) императора, и в этом термине сохраняется оттенок какой-то неокончательной их подчиненности империи ромеев (44, 22–45, 9). Атталиат отличает “ромейские земли” от округи Феодосиополя, так как Роман IV Диоген решил идти из Феодосиополя “в ромейскую землю” (166, 13, ср. 147, 16–17). Атталиат именуется Ивирию только “хорой” (44, 18–23; 78, 9; 147, 16–17; 166, 21) и считает, что она получила наименование от “Западной Ивирии” (Испании). “Прежде эту хору населяли ассирийцы, потом мидяне, затем долгое время армяне” (222, 3–17). После разгрома армии Романа Диогена под Манцикертом domestik Востока Филарет Варажнуни, объединивший под своей властью земли, подвластные ромеям, по словам Атталиата, возвел укрепления и “сделал эту хору недоступной для противника” (301, 7–24).

Михаил Атталиат упоминает о “хорах” Ивирии, которые опустошали сельджуки (44, 7–15, 18–23). В результате “счастливая хора Ивирии была совершенно разграблена и опустошена, и той же страшной участи подверглись и находящиеся рядом с ней области: Месопотамия и Халдия, Мелитина и Колония и земли, лежащие по реке Евфрату” (78, 9–16).

Размышляя над причинами победоносного движения сельджуков, Атталиат приходит к выводу, что “такое нашествие язычников и истребление народов, подвластных ромеям, было следствием божьего гнева против еретиков, населяющих Ивирию

⁵³ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / E rec. C. B. Hasii. Bonnae, 1828.

⁵⁴ Всеобщая история Степаноса Таронца-Асолика / Изд. Ст. Малхасянц. СПб., 1885. С. 151–152, 190, 193 (на др.-арм. яз.).

⁵⁵ Michaelis Attaliotae Historia / Rec. J. Beccerus. Bonnae, 1853.

и Месопотамию до Ликанда и Мелитины: армяне, иудеи, исповедующие несторианскую и акефалическую ересь” (96, 22–97, 5).

В этом пассаже Атталиата представлена следующая информация. Прежде всего, Атталиат знает, что существуют земли, подвластные ромеям, но отличающиеся от исконно византийских земель: это территории от Ивирии до Месопотамии (т.е. земли Великой Армении, Ивирии, Васпуракана, Тарона и части Месопотамии до Ликанда и Мелитины). Атталиат осведомлен о том, что этими землями управляли византийские наместники, в крепостях стояли византийские гарнизоны, а местные военные силы получали содержание из имперской казны и могли быть распущены или вновь собраны по приказу василевса ромеев (44, 7–15, 18–23; 45, 2–9), и тем не менее историк не уравнивает их с ромейскими феодами. На этих территориях живут еретики, среди которых на первое место поставлены армяне-монофиситы. Иными словами, Атталиат выделяет новые “хоры” и территориально, и идеологически.

Иоанн Скилица⁵⁶ один раз упоминает о Тароне, а именно о “хоре Тарона”, которую братья Тарониты передали Никифору Фоке (279, 82–84). “Хорой” Скилица называет и Великую Армению – удел Ширакских Багратидов. Об Иоанне-Смбате он пишет: “Иованнесикий владетель хоры Ани” (435, 77), ставший магистром и пожизненным архонтом “Ани и так называемой Великой Армении” (435, 83–84). Константин Мономах приказал эмиру Двина напасть на “хору”, подвластную Гагику II Анийскому (436, 12–13). “Хора” Великой Армении у Скилицы иногда синонимична “хорионам” или включает их в себя (437, 31). Гагик получил взامن родового царства *χωρία* в Каппадокии: Харсиану и Ликанд (437, 28–29). Земли Ивирских Багратидов, которые позже вошли в округ Ивирия, Скилица также именуется “хорой” (339, 79; 438, 62–66; ср. 438, 80; 460, 12), “хорой” он называет и Васпуракан (или Верхнюю Мидию) (446, 1, 80; 448, 49–51).

Продолжатель Скилицы⁵⁷ очень часто отделяет Ивирию, Месопотамию (до Ликанда и Мелитины) и соседнюю Армению (эти “хоры” – *αἱ χωραὶ*) от земель, исконно принадлежавших Византийской империи. Он пишет о нашествии язычников (тюрок-сельджуков) как божьей каре, павшей на земли, населенные еретиками, в отличие от земель, где жили истинно верующие (141, 1–5). Продолжатель Скилицы упоминает “счастливую хору Ивирии” (112, 24) и Фаресмана Апокапа, происходившего из “хоры ивиров” (131, 16). В “Статегиконе” Кекавмена области, находящиеся под управлением стратига, именуются и феодами и хорами, причем, о хорах речь заходит в связи с восточными провинциями⁵⁸.

Иоанн Зонара называет восточные провинции Византии Месопотамию, Мелитину, Сирию, Киликию “хорами”⁵⁹. Киликия Киннама чаще всего – это “хора киликийцев”⁶⁰.

“Хора” (арм. *ašxarh*), кроме имманентного этому слову во все времена значения “земля, страна”, обретает в X–XI вв. смысл специального термина для определения социально-административных реалий армяно-византийской контактной зоны с ясно прослеживаемой иерархичностью семантики. “Хора” – это прежде всего вся территория армяно-византийской контактной зоны, куда входят не только военно-административные округа империи, но и независимые и полузависимые армянские, греческие, арабские политические образования, в свою очередь именуемые “хорами”. Хора – это и крупный военно-административный округ империи (Васпуракан, Великая Армения и Ивирия и др.), и наконец, это небольшая область, город или крепость с округой, которая располагалась на территории большого округа (“хора в хоре”, как пишет Кекавмен). Такое словоупотребление подчеркивает единство структуры, ка-

⁵⁶ Joannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. J. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973.

⁵⁷ *Τολιάκης Ε.Θ. Η συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη. Θεσσαλονίκη*, 1968.

⁵⁸ Сопеты и рассказы. С. 128, 4; 150, 16–22; 152, 22–28; 204, 16; 210, 23; 296, 11–12, 15–16, 18–24.

⁵⁹ Joannis Zonarae Epitome historiarum / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897. Т. III. P. 68. Стк. 10–12.

⁶⁰ Joannis Cinnami Epitome. Bonnae, 1836. С. 16. Стк. 11, 19; С. 20. Стк. 16; С. 176. Стк. 12–13; С. 179. Стк. 7; с. 180. Стк. 12.

ждый из элементов которой может быть обозначен одним и тем же термином (с расширением или сужением его пространственных характеристик), а также равнозначность этих элементов структуре в целом (*pars pro toto*)⁶¹.

В.П. Степаненко желает, чтобы я дала «обзор социально-экономических отношений в Византии» (с. 41), а также подробно описала социально-экономические отношения и государственный строй Армении в X–XI вв. (с. 41–42), описала (тоже подробно) политические события во время экспансии Византии на восток (там же) и т.п. Выполнение всех этих требований увеличило бы монографию до нескольких томов и сделало бы ее рефератом – не нужным специалистам и неинтересным широкому читателю. В.П. Степаненко, по-видимому, не удовлетворяет обширная литература по этим проблемам, которая упоминается и резюмируется в монографии⁶².

В рецензии есть и просто ошибки. На с. 34 монографии нет исследования о роспуске Константином Мономахом фемного войска. Я привожу только оценку тагматизации византийской армии различными исследователями (Монография. С. 40).

Нет в монографии и пассажа о “вертикальной иерархической власти, часто рвущейся к вершине, но неподвижной в нижних горизонтальных слоях”⁶³. Об этом не только нет речи, но я даже не могу понять, что В.П. Степаненко имеет в виду и как может “иерархическая власть” рваться к вершине. В монографии говорится о пирамиде армянской феодальной федерации. Самодовлеющей единицей хозяйственной и политической жизни Армении была “хайреник” (вотчина). Эта структура лежала в основе пирамиды армянского феодального государства и оставалась непоколебленной в ходе завоеваний (арабских, византийских или сельджуковских) и административных перемен, сметающих только верхние слои пирамиды. Именно она оказалась на пути Византийской империи в процессе инкорпорирования армянских царств и княжеств.

В задачи первой главы монографии не входит оригинальное исследование социально-экономических отношений в Византии и Армении⁶⁴, а только и главным образом выявление феноменов, которые возникли в контактной зоне в результате взаимодействия византийских и армянских институтов.

В X–XI вв. был широко распространен обмен родовых доменов армянских владетелей на земли империи в Малой Азии (Васпураканские Арцруни, Ширакские и Карские Багратиды и др.).

Некоторые исследователи готовы признать ряд этих владетелей почти независимыми, во всяком случае *de facto*, а других и вовсе независимыми. Но так или иначе все они были носителями одной и той же культуры, одного и того же социально-экономического уклада, перенесенного в несколько иные условия и соответственно должны были определенным образом конвергировать с этими условиями.

Рассмотрение вассальных отношений у армянских князей Приевфратья, в частности, исследование прав и обязательств сюзерена и вассалов на примере этерии Гох-Василя мне понадобилось для того, чтобы показать, какие именно социальные отношения привнесли армянские феодалы в новые земли. Я нигде не объявляю Гох-Василя и его соотечественников византийскими феодалами, разве что по государственной принадлежности. Известно, что Гох-Василь носил титул севаста, его преемник, оставив свои земли, ушел со своими вассалами в Константинополь. Потомки Василя Отрока служили в армии Мануила I в 1160 г., и Киннам характеризует их как давних вассалов императора⁶⁵. Однако здесь нам важнее просто учитывать, что

⁶¹ Подробно см.: Монография. С. 45–53, а также: *Arutjunova-Fidanjan V.A. The New Socio-Administrative Structure...*

⁶² См. гл. I, с. 14–25 и коммент., с. 156–158 (библиография).

⁶³ Рец., с. 41.

⁶⁴ Об Армении X–XI вв. как стране развитого феодализма см., например: История армянского народа. Ереван, 1976. Т. 3. С. 157–162 (на арм. яз.).

⁶⁵ *Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византии (XI–XII вв.). Ереван, 1975. § 13. С. 42–43; см. об этом также новую статью Ж. Дедеяна (*Dédéyan G.* Les princes arméniens de l’Euphratèse et l’Empire Byzantin (fin XIe – milieu XIIe s.) // *L’Arménie et Byzance. Histoire et culture.* P., 1996. P. 87–88 (и указанную там литературу).

этерия Гох-Василя однотипна этериям других крупных армянских феодалов этого периода и этого региона и смежных с ним⁶⁶. И поэтому замечания В.П. Степаненко доказывают только, что он не понял цели исследования (по крайней мере в этой части рецензии на с. 43, на с. 42 той же рецензии он высказывает совершенно противоположное мнение).

Уклад, привнесенный в малоазийские лимитрофы Византии армянскими владельцами, несомненно определил черты высоко развитого и традиционно устоявшегося феодального общества в социально-административной жизни восточных провинций империи: братья Мандалы (по-видимому, чиновники империи) ведут настоящую феодальную файду с Гагиком Анийским. Армянские князья (Григорий Пахлавун, Хачатур, Тарониты, Аспиеты и др.) становятся функционерами византийской социально-административной системы, а чиновники империи обретают черты вассально-зависимых князей.

Статус между полузависимым вассалом и чиновником занимал Татул Марашский. По Маттеосу Урхаеци, “в это время (1100 г. – В.А.) начальником гарнизона был полководец ромеев князь князей в городе Мараш под рукой императора ромеев Алексея”⁶⁷.

Иногда В.П. Степаненко противоречит и мне, и себе самому в одной и той же фразе. С одной стороны, он считает, что наличие в Васпуракане армянских военных сил проблематично, а с другой, что “никто и никогда этого не отрицал”⁶⁸. С одной стороны, В.П. Степаненко допускает, что армянские князья со своими этериями стали служить Византии, а с другой – считает приведенные мной примеры этого служения единичными. Этих “единичных” примеров в монографии, кстати сказать, довольно много⁶⁹. О Гандзи В.П. Степаненко пишет, что он “небесспорен” как армянский князь. непонятно, почему рецензент сомневается в данных Аристакеаса Ластивертци, но свидетельство Аристакеаса явно не “единичное”. О Гандзи как армянском князе пишет и Маттеос Урхаеци: “В это время (1036/1037 г. – В.А.-Ф.) армянский ишхан Гандзи собрал войско и пошел на Восток, отнял у персов (арабов) город Беркри, вырезал все [население] города и предал оstromу мечу войско татчиков. И много дней воевал он с цитаделью и причинил им [защитникам цитадели] много неприятностей”⁷⁰.

А что касается статуса топархов, то в историографии сложились две точки зрения. Сторонники первой (сформулированной еще Ш. Дилем) полагают, что топарх – это почти независимый от центральной власти византийский феодал. Другие считают, что это архонт иноплеменного народа или страны, расположенных по соседству с византийскими границами. Иоанн-Смбат – царь Ширака после Трапезундского мира, завещавший свои владения Византии, именуется “топархом Ани”. Скилица называет племянника Иоанна-Смбата Гагика II Анийского топархом и одновременно “другом и союзником императора”. Иоанн Цимисий, вступив на престол, сместил “всех топархов”, поставив на их места в провинциях близких себе людей, а Алексей I приказал явиться в столицу всем восточным топархам с их стратиотами. Иными словами, топарх – с одной стороны, полузависимый владелец, а с другой – функционер византийской администрации (как топарх Ахсартан из “Типика” Пакуриана)⁷¹. Кекавмен однозначно называет топархом владельца, обменявшего свои земли на территории в глубине империи, как это сделали армянские цари и князья⁷².

⁶⁶ Арутюнова-Фиданян В.А. Вассалы армянских владетелей в византийских провинциях (XI в.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1988.

⁶⁷ Маттеос Урхаеци. Хронография. С. 272.

⁶⁸ Рец., с. 49.

⁶⁹ Монография. С. 38–42.

⁷⁰ Маттеос Урхаеци. Хронография. С. 74.

⁷¹ Монография. С. 21–22.

⁷² Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введ., пер. и коммент. Г.Г. Литаврина. М., 1972. С. 298–301. См. также: Lujo Marčetić *Toparque, teŕci (topotèrètes) et dad en Croatia au 11e siècle* // REB. 1986. Т. 44. Р. 257–262 (см. указанную там литературу).

Сенекерим Арцруни получил титул патрикия, звание стратига Каппадокии и города Севастию, Ларису, Авару; Гагик II Анийский получил титул магистра, земли в Каппадокии, Харсиане и Ликанде, Калон-Пелат и Пизу (по Маттеосу Урхаеци); Гагик Карсский – Амасию и Коману, Ларису, Хаватанек, Цамндав, Кесарию.

В.П. Степаненко резко возражает против постулата о сочетании доместиката Востока с управлением той или иной восточной провинцией и тут же признает, что это возможно в экстраординарной ситуации⁷³.

В монографии речь идет именно о том, что “самый восточный” округ империи, т.е. передний фронт войн с арабами и сельджуками, делается объектом повышенного внимания доместика Востока.

Во второй половине X в. полем действия главнокомандующего всеми вооруженными силами империи на востоке была Киликия, затем Сирия⁷⁴. В 90-х годах X в. и до начала XI в. звание доместика Востока носят правители Антиохии. Еще в 1025 г. Константин Даласин именовался “владыкой восточных земель”⁷⁵. Земли Тарона, Веспуракана, Великой Армении и Ивирии с 60-х годов X в. и до 1071 г. становятся “Востоком” империи, в особенности округ Ивирия, правители которой иногда носят титул доместика Востока, а иногда делят с ним наместничество⁷⁶. После Манцикерта (1071) наименование “Востока” империи чаще всего носит Киликия.

“Восток” византийских авторов – это прежде всего земли, где в X–XI вв. шло сражение за расширение, а затем оборону восточных границ Византии.

В.П. Степаненко обижен на то, что я не пользуюсь его статьями, но их аргументация не убеждала меня прежде, не убеждает и сейчас. В.П. Степаненко занимается в основном политической историей (Киликия, Приевфратье) и, насколько мне известно, не издавал больших работ по социально-экономическим и этноконфессиональным проблемам. И, кроме того, я предпочитаю работы кавказоведов, опирающихся на первоисточники, а В.П. Степаненко цитирует, к примеру, Маттеоса Урхаеци в переводе Е. Дюлорье или Р.М. Бартияна⁷⁷ и почти не пользуется исследованиями арменоведов на армянском языке⁷⁸.

В.П. Степаненко прибегает к странным методическим приемам. Когда ему кажется, что в одном или двух разделах книги не используются какие-то статьи, он старается у читателя создать впечатление, что вся монография пренебрегает новой литературой (рец., с. 41) (хотя это так легко проверить). И если по этим двум разделам у него возникли недоумения, то он пишет, что вся книга “вызвала больше вопросов, чем ответов”⁷⁹, а между тем книгу целиком он, по-видимому, не прочитал, иначе как объяснить, что о более чем половине книги в статье не упомянуто.

Упомянув о моей полемике с каким-либо исследователем, В.П. Степаненко утверждает, что прав всегда мой оппонент. Мнение это обычно не аргументируется и приводится только один довод: В.А. Арутюнова-Фиданян не ответила на последнюю

⁷³ Рец., с. 51.

⁷⁴ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec J. Thurn. Berolini; Novi Eboraci, 1973. P. 256, 86–97; 267, 74–268, 89, 90–92; 269; 314, 70.

⁷⁵ См.: “Хронику ал-Мекина” о Варде Фоке, дуке Востока и начальнике Антиохии (Васильевский В.Н. Труды. СПб., 1909. Т. II. С. 79); Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 41.

⁷⁶ Всеобщая история Степаноса Таронца-Асолика. С. 184, 276; Маттеос Урхаеци. Хронография. С. 217; Повествование Аристакаса Ластивертцы / Крит. текст подготовил К.Н. Юзбашян. Ереван, 1963 (на др.-арм. яз.). С. 41, 57; Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. С. 84; Scylitz. P. 370, 30–32; 371, 54–56; 382, 59–60; 397, 59; 400, 41, 26; 402, 6–8; 412, 81; 436, 1–2, 9, 10; 437, 30–32, 37; 438, 59–61; 441, 63–442, 76; 416, 76; 417, 89; 419, 49; 422, 21–22; 435, 95–96. Подбор и анализ источников и литературы см.: Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу о термине “Восток” в конце X–XI в. // ВО. 1982. С. 114–147.

⁷⁷ См., например: Степаненко В.П. Из истории международных отношений на Ближнем Востоке XII в. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 42. Примеч. 4. См. также рец., примеч. 9.

⁷⁸ См., например, статью Степаненко в сб. Традиции и наследие Христианского востока. Сб. ст. М., 1996. С. 359–374.

⁷⁹ Рец., с. 61.

статью своего оппонента. Но даже и этот сомнительный аргумент не проверяется достаточно тщательно (см. выше). Возьмем к примеру и мою полемику с Р.М. Бартикяном об Ивирии (рец., с. 48). На работу Р.М. Бартикяна 1974 г. “О феме Ивирия” я откликнулась статьей, где еще раз рассмотрела все наши с ним разногласия (о времени основания округа, о его территориальном составе, о наименовании, о соправителях)⁸⁰. В частности, я называю семь соправителей и отмечаю, что в округе “Ивирия” основные обязанности официального наместника систематически делились с другими лицами, и это положение вещей – перебрасывание власти от одного архонта к другому – Атталиат характеризует глаголом *ἀντισφαιρίζειν*⁸¹. Мои взгляды на этот предмет не изменились и, естественно, отразились в монографии.

И еще один не слишком корректный прием. В.П. Степаненко указывает, что я не признаю перехода в 966/7 г. Тарона к Византии, а затем искажает аргументацию, приведенную в монографии, упоминая только один довод об оставшихся у Таронитов родовых владениях – свидетельство Иоанна Продрома⁸². Этому свидетельству в монографии предшествует анализ данных Константина Багрянородного (“О церемониях”, “Об управлении империей”), Эскуриальского Тактика и “Notitiae episcopatum”, позволяющий утверждать, что “Тарон” мог обозначать и гавар Тарон и всю территорию Таронского княжества, что Тарон делился на две части, и в 966/7 г. Византия получила области Западного Тарона, восточная же часть Тарона оставалась у армянских владетелей.

В.П. Степаненко утверждает, что существует много нового материала и новых исследований (за последнее десятилетие), а приводит только статьи по сигиллографии, разумеется, нужные, но ничего не меняющие в общей концепции. Более того, публикации В. Зайбта и Ж.-К. Шене печатей стратигов малых византийских округов уверенно ложатся в концепцию новой структуры, предложенной в первой главе монографии. Другой вопрос, что я вряд ли могла бы дополнить книгу, сданную в типографию в 1992 г., работами (пусть даже и очень для меня полезными), которые появились в 1993 г. и даже в 1994 г.⁸³

Рецензия (если можно так называть статью В.П. Степаненко) огорчительна не только в свете вышеупомянутого, не только из-за своего недопустимого тона⁸⁴, не только из-за постоянных восклицательных предложений, из которых следует, что я планомерно и злонамеренно ухудшила собственную работу и даже не из-за абсолютного непонимания концепции книги (это уже как получится). Огорчает все это из-за нежелания понять нечто принципиально новое, нежелание такое упорное, что концепция книги просто опускается в отклике на нее.

А между тем попытка типологического выделения особой контактной зоны на византийской восточной границе и разработка методики ее изучения может оказаться плодотворной не только для исследования истории этого региона, но и для изучения процессов, происходящих в других лимитрофах Византии.

Исследование армяно-византийской контактной зоны предоставляет широкие возможности для выработки методики. Тысячелетние (унаследованные от Рима) отношения Византии и Армении в определенной мере уникальны. Армения бывала в разное время и восточной соседкой, и вассальной страной, и частью восточных провинций империи. Политические границы Армении и Византии всегда были нестабильны, а культурные – прозрачны. Армяно-византийская контактная зона – это парадигма контактной зоны, развернутой во времени и пространстве.

В византийских и армянских источниках отражено существование двух этапов армяно-византийской контактной зоны: VI–VII вв. и X–XI вв. Византийская Арме-

⁸⁰ Кавказ и Византия. 1979. Вып. 1. С. 36–55.

⁸¹ Michaelis Attalioae Historia. Bonnae, 1853. С. 81.

⁸² Рец., с. 45.

⁸³ Рец., с. 47, примеч. 20, 21.

⁸⁴ В.П. Степаненко все время поучает и требует (выработать новую методику, создать “банк данных” и т.п.).

ния в VI–VII вв. – это земли, где наличествуют: общая с Византией территория, общая государственность (при определенной автономии), взаимодействие этносов (переливы населения), культурное взаимодействие и где в результате появляются синтезные феномены в области политики, конфессии и культуры⁸⁵.

Углубление исследований предложенной концепции контактной зоны как места возникновения синтезных феноменов может быть полезно и для византинистов, и для других медиевистов, поскольку в Средние века, когда страны были менее замкнуты в национальных и государственных границах, процессы, происходившие в зонах встреч цивилизаций, оказывали значительное влияние на ход мировой истории.

⁸⁵ Арутюнова-Фиданян В.А. "Повествование о делах армянских" – памятник армяно-византийской контактной зоны (VI–VII вв.) // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего отечества. М., 1997; Arutiunova-Fidanjan V.A. The Contact Zone – the Term and the Conception // International Conference: Armenia and Christian Orient. Thesis of Reports. Yerevan, 1998.